

Урок № 13

О ВОСЬМОМ ЧЛЕНЕ СИМВОЛА ВЕРЫ

Методические указания к уроку № 13

В этом уроке следует разобрать и усвоить следующие понятия: значение слова «Господь» в отношении к Святому Духу. Свидетельство Священного Писания о Божестве Святого Духа. Значение слова «животворящего». Личное свойство Св. Духа. Основание православного учения об исхождении Св. Духа от Отца в Св. Писании и Св. Предании. Учение западной церкви об исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Значение слов «глаголавшаго Пророки». Сообщение даров Св. Духа всем христианам. Главнейшие дары Св. Духа.

Восьмой член Символа веры читается так: (Верую) *И в Духа Святаго Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго Пророки.*

Здесь говорится о *третьем* лице *Пресвятой Троицы – Духе Святом.*

Дух Святой называется *Господом* в том смысле, что Он есть *Истинный Бог*, равный Богу Отцу и Сыну Божию.

О Божестве Святого Духа ясно свидетельствует Священное Писание. Так, апостол Петр в обличение Анании сказал: «**Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому? Ты солгал не человекам, а Богу**» (Деян. 5, 3 и 4).

Анания был один из первых христиан. По внушению злого духа, он вместе с женою своею Сапфирию решил обмануть апостола Петра и утаить часть цены от проданного им имущества. Апостол, по откровению Духа Божия, тотчас узнал это и обличил во лжи мужа и жену, и они тогда же внезапно лишились жизни (Деян. 5, 1-11).

На Божеское достоинство Св. Духа указывается и в других местах Священного Писания. Так, Ему приписываются «свойства Божеские», напр. вездесущие (Пс. 138, 7), всеведение (1 Кор. 2, 10), всемогущество, свободное раздаяние даров духовных и совершение чудес (1 Кор. 12, 8-10); «действия Божеские», напр., творение мира (Быт. 1, 2; Пс. 32, 6), обновление всего в мире (Пс. 103, 30), благодатное возрождение людей (Ин. 3, 5), отпущение грехов (Ин. 20, 22 и 23), оправдание и освящение людей (1 Кор. 6, 11) и проч.

Животворящим Дух Святой называется в Символе веры в том смысле, что Он сообщает жизнь всем тварям, особенно же духовную жизнь христианам. Так, при самом творении мира Дух Божий Своей животворящей силой оживлял все творимое, на что указывают слова: «И Дух Божий ношашеся верху воды» (Быт. 1, 2). Впоследствии времени обновление всего на земле приписывается также действию Духа Божия (Пс. 103, 30), а для духовной жизни христиан это действие столь же необходимо, как для дыхания воздух.

Слова Символа веры: *Иже от Отца исходящаго* – указывают на личное свойство Святого Духа – *предвечное исхождение Его от Бога Отца.*

Учение православной Церкви об исхождении Св. Духа от Бога Отца основывается на ясных *словах Самого Иисуса Христа* и на свидетельстве *Св. Предания.*

Иисус Христос в последней беседе со Своими учениками ясно указал им как на временное ниспослание им Св. Духа, так и на вечное исхождение Его от Бога Отца: «**Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне**» (Ин. 15, 26). Здесь слова: «Которого Я пошлю вам от Отца» – указывают на «временное ниспослание» Св. Духа Сыном Божиим верующим в Него, т.е. Его «посольство» в мир, а слова: «Который от Отца исходит» – указывают на вечное исхождение Св. Духа от Отца, как на личное божественное свойство Его.

Священное *Предание* представляет нам свидетельства многих отцов и учителей Церкви, которые не только на Востоке с самого начала до настоящего времени, но и на Западе до IX века все учили и учат, что Дух Святой исходит *от Бога Отца*. Из святых отцов не только вселенские учителя Церкви, напр.: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, но и многие другие, напр., святые Ефрем Сирийский, Епифаний, Кирилл Александрийский, Амвросий – единогласно учили, что Дух Святой исходит от Бога Отца. Таких свидетельств Адам Зерников в своем сочинении о Св. Духе привел почти до тысячи (См. Православное Догматич. Богословие преосвящ. Макария, т. 1, стр. 302 и далее).

Западная Церковь учит, что Дух Святой исходит не только от Бога Отца, но и от *Сына*, так что слово *Filioque* здесь внесено в Символ веры. Этим отличается Символ веры западных христиан от Символа веры Восточной Церкви, которая сохраняет его без всякого изменения от 1-го и 2-го Вселенских соборов.

Это дополнение к Символу веры в первый раз было допущено в Испании в конце VI века, на частном соборе *Толедском*. Именно в 589 году. Сначала это учение явилось на Западе как частное мнение некоторых лиц; потом оно более и более распространялось. Папы долго не соглашались принимать это учение. В начале IX века (в 809 г.) на соборе *Ахенском* ревностным защитником его явился *Карл Великий*. Он обратился к папе *Льву III* с просьбой дозволить употребление Символа веры с прибавлением *Filioque* при Богослужении. Лев III не только не согласился на это, а даже повелел вырезать на особенных досках *без всякого изменения* Символ веры, составленный на первых двух Вселенских соборах, и поставить эти доски в храме апостола Петра *для охранения православной веры*. Несмотря на это, по настоянию Карла Великого в его империи продолжали употреблять Символ веры с дополнением *Filioque*. Кроме Льва III против этого добавления был и папа Иоанн VIII; в письме к патриарху Фотию (879 г.) он называл даже сообщниками Иуды-предателя тех, которые вносят в Символ веры прибавление *Filioque*. Но впоследствии папа Адриан III (885 г.) признал учение об исхождении Св. Духа «и от Сына» догматом веры. С того времени оно внесено в Символ веры и утвердилось на всем Западе. В XVI веке это дополнение перешло к *лютеранам*, так как они приняли Символ веры от Римской Церкви без перемены.

Но учение об исхождении Св. Духа от Бога Отца не может и не должно подлежать изменению, потому что оно основано, во-первых, на ясных словах Самого Иисуса Христа, во-вторых, на всеобщем учении об этом св. отцов и учителей Церкви, в-третьих, на точном определении второго *Вселенского собора*, который ясно и прямо выразил это учение в Символе веры. А на третьем Вселенском соборе строго запрещено было изменять Символ веры, составленный на первых двух Вселенских соборах. Именно 7-м правилом

3-го Вселенского собора было постановлено, что если кто прибавит или убавит что-либо от Символа веры Никейско-Константинопольского, тот подлежит «анафеме».

Слова: *Иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима* – означают то, что Духу Святому должно воздавать поклонение и прославление, равное с Отцом и Сыном. Это видно из повеления Спасителя апостолам крестить верующих в Него *во имя Отца и Сына и Св. Духа* и таким образом воздавать поклонение, равное всем трем Лицам Пресвятой Троицы. В заповеди Спасителя о крещении Св. Дух поставлен наравне с Богом Отцом и Сыном Божиим; следовательно, и поклонение должно воздавать Ему равное с Отцом и Сыном.

Слова Символа веры *глаголавишаго Пророки* означают, что Дух Святой *глаголат чрез Пророков*. Это ясно видно из Священного Писания: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым». Здесь под святыми Божиими человеками, очевидно, понимаются пророки, изрекавшие предсказания о будущем по внушению Духа Божия (2 Пет. 1, 21). Об этом упомянуто в Символе веры для того, чтобы опровергнуть ложное мнение тех лжеучителей, которые утверждали, что книги Ветхого Завета были написаны не по внушению Духа Святого.

Таковы были во II веке некоторые из «гностиков», а в III веке «манихеи», которые признавали Ветхий Завет даже произведением князя тьмы (см. Начертание церковной истории Иннокентия, отд. I, стр. 132).

Дух Святой говорит также и *чрез апостолов*, так что они в проповедовании учения Христова руководствовались Его внушениями; потому апостол Петр и называет проповедников учения Христова *благовествовавшими Духом Святым* (1 Пет. 1, 12). Но об апостолах не упомянуто в Символе веры потому, что во время составления его никто не сомневался в Богодухновенности их. Что апостолы проповедовали веру Христову по внушению Св. Духа, на это ясно указывает апостол Петр: «Пророкам открыто было, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшими Духом Святым, посланным с небес» (1 Пет. 1, 12). Здесь, под благовествовавшими Духом Святым, очевидно, понимаются апостолы, проповедовавшие по внушению Св. Духа.

Дух Святой сошел на апостолов видимым образом, именно в виде *огненных языков*, в 50-й день по воскресении Иисуса Христа. Но невидимо Он сообщается и **всем христианам**. Это видно из слов апостола Павла: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3, 16).

Причастным Св. Духу можно сделаться каждому верующему через усердную молитву и через таинства. Об этом говорит Сам Иисус Христос: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие (т.е. добрые дары) давать детям вашим, то тем более Отец небесный даст Духа Святого просящим у Него» (т.е. обращающимся к Нему с молитвою об этом) (Лк. 11, 13). Кроме того, благодать Духа Святого сообщается верующим чрез каждое таинство. Так апостол говорит о благодати крещения: «Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости банею паки-бытия (т.е. крещением) и обновления Св. Духом, Которого излил на нас обильно чрез Иисуса Христа, Спасителя нашего» (Тит. 3, 4-6). Здесь под *банею паки-бытия* разумеется крещение, которое, очищая ве-

рующих от греховного состояния, сообщает им новое бытие или новую чистую духовную жизнь. Отсюда видно, что Всеблагий Бог на верующих во Христа обильно изливает дары Св. Духа чрез таинство крещения.

Главнейших даров Святого Духа считается *семь*, именно: дух *страха Божия*, дух *силы*, дух *совета*, дух *познания*, дух *разумения*, дух *мудрости* и дух *Господень*, или дар высшего благочестия и вдохновения.

Из семи даров Духа Святого дух «познания», дух «разумения» и дух «мудрости», очевидно, имеют между собою сходство, так как относятся к одному знанию истин веры. Но между ними есть различие, именно следующее: дух «познания» состоит в первоначальном знании самых главных истин веры Христовой, необходимых каждому для спасения, напр., что Иисус Христос есть Сын Божий, что Он пострадал на земле для нашего спасения и проч. Дух «разумения» состоит в возможном для человека «понимании» главных истин веры Христовой, в сознательном усвоении их и в способности объяснять и доказывать эти истины другим. Дух «мудрости» состоит в проникновении в самые тайны Божественной веры, в способности глубоко судить о предметах веры и даже прозревать в будущее. Таковы были апостолы и другие святые, обладавшие высшим даром знания.

* * *

О БЛАГОДАТИ ВСЕСВЯТАГО ДУХА (Св. Феофан, Затворник Вышинский)

«Яко стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет на нь. И помучит его в наказании своем дондеже веру имеет души его; и искуют его во оправданиях своих; и паки возвратится прямо к нему, и возвеселит его; и откроет ему тайны своя; аще заблудит, оставит его, и предаст его в рuce падения его» (Сир. 4, 18-22).

Есть много мест в Священном Писании Ветхого Завета, в которых точно и живо изображается внутреннее состояние членов благодатной новозаветной Церкви. К лучшим из них относится, без сомнения, выписанное теперь место, в котором под именем премудрости можно разуметь действия благодати Всесвятого Духа, премудро устрояющей спасение каждой души.

Что именно говорится здесь о благодати Святого Духа, руководящей человека ко спасению? То, что сия благодать, когда вселится в открытую для нее душу, сначала действует в ней более или менее сокровенно, притом обыкновенно или по большей части строго и как бы наказательно. Потом уже, если кто при всем том останется верным ей и не перестанет искать ее полного озарения, она обращается к нему прямо, начинает действовать на душу его открытым образом, возвеселяет его и возвещает тайны свои. Напротив, если кто пренебрежет ее внушениями и заблудит, то и она оставляет такого и предаст его взысканной им самим гибели. Чтобы не показаться самопроизвольными в таких мыслях и действиях именно благодати, приводим мнение о сем предмете величайшего из подвижников. «Благодать, – говорит святой Макарий Великий, – непрестанно присутствует с человеком (христианином), еще с малых лет соединившись и укоренясь, как бы нечто природное и неотдельное, в сердце его, соделалась с ним как бы одно существо; однако многоразличными образами, по своему произволению и сообразуясь с пользою, располагает человека. Сия сила благодати Божией, бываемая в человеке, и дар Святого Духа, коего верная душа

приятно сподобляется, великим трудом, многим ожиданием, долготерпением и искушениями и испытаниями приобретает; с великим долготерпением, премудростью и таинственным ума испытанием в человеке, уже долгое время в разных случаях подвизавшемся, действовать начинает. И тогда уже дело благодати в нем совершенно показывается, когда его воля, по многом искушении, Святому Духу благоугождающею является и чрез долгое время показывает себя в том терпеливою и непоколебимою; когда душа ни в чем не оскорбляет Духа, но с благодатию во всех заповедях согласна, тогда она от всех страстей свободно быть удостоится и полное всыновление Духа приемлет».

Почему же благодать Святого Духа действует таким образом? Почему с первых минут не излить ей всех утешений на душу, взыскующую Господа, тем более что сии испытательные действия ее служат иногда камнем преткновения для неопытной и слабой души?

На это... один ответ. Верно нельзя иначе действовать при обращении и исправлении грешника, когда премудрая благодать Божия избирает сей именно, а не другой образ действия. У премудрости Божией как будто непрменным законом поставлено исполнять обетования не тотчас, как даются, но после довольно долгого и иногда претрудного испытания. Аврааму дано обетование о размножении потомства, как звезды небесные и как песок морской моря, но после повелено самое семя обетования принести в жертву давшему обетование. Сны обещали Иосифу возвышение над братьями, но до того времени он терпит мучения, продается в чужую страну и заключается в темницу. Давид помазан на царство еще в юности, но сколько претерпел он обид, гонений и опасностей до получения царского венца. Тот же **закон испытательного медления** соблюдает и премудрая благодать, устроая спасение грешной души. Велики благодатные обетования, но для получения их надобно быть под тяжким крестом.

Впрочем, так как Бог, премудрый в действии Своем на тварь, соображается с свойствами самой твари, то, основываясь на понятии о греховном состоянии души, можно прийти до некоторых оснований, объясняющих, почему благодать Божия, устроая спасение человека, действует сначала сокровенно и строго. Такое действие благодати необходимо по свойству греховного сердца, очищаемого благодатию, по главному условию спасения и благодатствования, преимущественно же по целям нравственным.

1. Между обращением и освящением среднее место должно занимать исправление или очищение, ибо иначе, какое общение света к тьме? Сие очищение бывает более или менее продолжительно, более или менее трудно, смотря по нравственному состоянию приводимого в предначертанное христианское совершенство, но во всяком случае оно мучительно. Грех вошел в самую глубину существа человеческого, оттуда разветвился в разнообразных наклонностях, привычках, страстях и, проникнув все существо его, распространился вне и связал его с чувственными вещами узами, столь же крепкими, как крепки узы бытия. Как ни осторожно будешь очищать от греха существо, зараженное им, не можешь не причинить боли, подобно тому как нельзя не причинить боли, когда вынимаешь занозу из живого тела. Сердце, пристращенное к чему-нибудь, как бы входит само в предмет пристрастия; отрывая его от предмета или предмет от него, отрывают как бы часть его самого. Мучительно исправление, оттого душа и не видит утешений благодати, совершающей сие исправление. Путь добродетели начинающим любить благочестие кажется жес-

токим и скучным не потому, что будто он действительно таков, но потому, что человек от чрева матерного живет по воле страстей.

2. Спасение наше совершено Господом Иисусом Христом, именно Его страданиями и смертью. Ими разрушено средостение, разделяющее человека с Богом, и отверст вход всем благословениям небесным на человеческий род. Крест – основание благодатного царства Христова. И каждый человек, чтобы удостоиться обетования сего царства, непременно должен приобщиться Христовым страстям не мыслию, но самым делом. Такое приобщение обильно низводит и самую благодать внутрь человека (1 Пет. 4, 13-14). Потому можно сказать, что благодать, спасающая сама, производит в душе человека тугу, скорбь, страх, внутренние терзания, чтобы, возведши его на крест (Гал. 6, 14; 5, 24) и приобщив таким образом Христовым страстям, открыть себе пространнейший вход внутрь и освятить его. «Бог не может иначе облагодетельствовать человека, возжелавшего быть с Ним, как подвергая его искушениям за истину. Ибо от века и от родов стезя к Нему лежит крестом и смертью. Из того можно и узнать, что Бог печется о человеке, когда Он непрестанно посылает на него печали» (св. Исаак Сирий).

3. Но главным образом благодать Божия попускает скорби и сокрывает свои утешения и свою очевидную помощь, оставляя человека как бы самому себе, для образования и утверждения в нем нравственно-христианского характера и именно:

а) Для того, чтобы **искоренить самонадеянность и вкоренить смиренное упование на Бога**. Человек естественный обыкновенно уверен, что имеет довольно совершенств и сил. Это постоянное его чувство, которое день ото дня утверждается некоторыми успехами в делах не духовных. Такое расположение может возникать в нем и тогда, когда он вступает уже в благодатное царство и начинает жизнь духовную. Так как оно поставляет человека в опасное положение вблизи к решительным падениям, то благодать Божия печется истребить его вначале и для того или скрывает от человека всякое утешение, или оставляет его без всякой явной помощи со своей стороны, когда возмутится сердце, восстанут помыслы и страсти и все нечистое явится пред его сознание с напоминаниями о прежнем и с требованиями нового удовлетворения. Здесь-то вполне открывается, что знает человек сам по себе! Он ревностно спешит восстановить внутренний покой, но самым сильным напряжением воли, самым строгим убеждением ума он не может потушить ни одной страсти, не может посечь ни одного помысла греховного. Только уповательное воззвание к Богу утешает внутреннюю бурю страстных помыслов, а вместе показывает человеку, где искать помощи, откуда она приходит и чем он может быть силен. Повторенный несколько раз такой опыт поселяет глубокое убеждение, что человек сам по себе жалок и беден, и нищ, и слеп, и наг (Апок. 3, 17), что если делал он что доброе, если победил страсть, устоял при искушении, – все это даровано ему было от Бога, в Котором Одном потому и следует искать упокоения. «Научительное отступление благодати, – говорит святой Диадокх, – приносит душе великую скорбь, унижение и даже умеренное отчаяние, чтобы надлежащим образом унижить ее самолюбие и гордость, впрочем, в то же время благодать подает ей и помощь, только скрытым образом... Благодать утаивает от ума присутствие свое и душу как бы нарочно приближает к лютости демонов, дабы она, узнавая мало-помалу злость врага своего, с большим страхом и глубоким смирением искала помощи Божией, подобно тому как мать дитя свое, не хотящее сосать как надобно грудь ее,

на короткое время спускает с рук своих, чтобы оно, устрасясь каких-нибудь стоящих около безобразных людей или зверей, с воплем, боязнию и слезами возвратилось в материнские недра».

б) Для того, чтобы **не делать насилия свободе**. Нет сомнения, что самоисправление должно быть делом свободы, только вспомоществуемой благодатию. Но если бы благодать, открывшись во всей силе с первого раза, никогда не умаляла своего света и не скрывала своего действия от очей души, тогда душа связывалась бы, так сказать, благодатию и была в некоторой необходимости жить не иначе, как по ее влечениям, ибо душа не может не повиноваться Божественной силе благодати, дающей блаженство. «Благодать, – говорит Диадок, – у крещаемых сперва утаивает свое присутствие, выжидая произвола души, и, как человек совершенно обратится к Господу, тогда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие, и опять ожидает движения души, попуская между тем дьявольским стрелам достигать до глубокого чувства ее, дабы она с ревностнейшим произволением и смиренным расположением взыскала Бога, дабы свобода наша несовершенно была связана узами благодати».

в) Для того, чтобы **испытать или, лучше, обезопасить верность души**. Душа в настоящем состоянии очень изменчива. На нее решительно положиться ни в чем нельзя. Самые верные и надежные обещания ее нетверды. Потому благодать не вдруг вверяется всецело душе, не вдруг отдает ей все, опасаясь, чтобы она не забывалась и пренебрежением дара не погубила себя, утешает ее отчасти, подает явную руку помощи только в редких и опаснейших случаях. Такими посещениями благодати в душе образуется постоянное расположение прибегать в своих нуждах только к благодати Божией и вместе с тем, чтобы удостаиваться ее помощи и благоволения, постоянная и бдительная заботливость быть верною ей, желать и делать только то, что угодно ей, чего она требует. Долгим деланием в таком роде в душе вкореняется такая верность Божественной благодати, по которой даже и в мысли не допускается что-либо оскорбительное для Духа Божия. Что после сего может препятствовать Духу Святому осиять душу всем Своим светом? Ибо можно уже надеяться, что душа не злоупотребит даром. Вообще, что с трудом достается, то дорого ценится и бдительно хранится. Потому-то душа изводится в покой, когда проходит уже огонь и воду (Пс. 65, 12).

г) Наконец, для того, чтобы **истребить мечтательное тщеславие**. Есть, по замечанию подвижников, какая-то непреодолимая сила, обращающая душу на саму себя, на свое достоинство и совершенство. Не только доброе дело, одна порядочная мысль, особенно при виде каких-либо недостатков в других людях, возбуждают душу хвалить себя перед собою, мечтать о своих трудах и делах духовных. Всем известна опасность такого надмения. Потому благодать Божия, руководствуя ко спасению душу частым оставлением ее себе самой, старается внушить ей, что и она с теми же недостатками, какие видит в других, что и она еще далека от того совершенства, которого ищет и которое теперь несправедливо усваивает себе. «Всесвятый Дух, хотя в начале усовершенания дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов, впрочем, надолго потом скрывает драгоценность сего животворного дара, чтобы, хотя исполним все прочие добродетели, считали себя ничем, потому что не обрели еще святой любви как бы в навык себе» (св. Диадок).

Вообще все действия благодати Святого Духа, очищающие и исправляющие: скорби, попускание падений, искушения, отступления и утешения направляются к тому, чтобы образовать и укрепить внутреннего человека, возвести его в состояние освящения и, таким образом, соделать невещественным храмом Бога.

Общая мысль о тайном первоначальном и явном окончательном присутствии благодати в душах верующих раскроется яснее, когда подробнее вникнем в смысл слов премудрого Сираха.

Яко стропотно ходит с ним в первых (18-й стих). Дарованная в крещении или восстановленная через покаяние благодать Святого Духа постоянно присуща душе: ходит с нею во всех путях ее, как друг, блюдет ее, как пестун, печется о благе ее, как мать о покое дитяти. Но самая же сия воспитательная попечительность поставляет ее как бы в необходимость ходить с нею сперва стропотно, то есть не лицом к лицу, скрытно, неощутительно для самой души или строго, сурово, с некоторою как бы нелюбовью. Необходимость такого действия объясняется выше.

Боязнь же и страх наведет нань. Вот первое обнаружение в душе действия благодати очищающей! В грешной душе есть какое-то нечувствие, холодность к духовным вещам. Пленясь и восхищаясь успехами и совершенствами видимыми, она не трогается ничем невидимым. Размышляет или читает о жалком состоянии грешника, о правосудии Божиим, о смерти, о Страшном суде, вечных муках – и все это для нее предметы сторонние, до нее как бы не касающиеся. Такие мысли, спасительные посетители души, держатся иногда несколько времени в уме для интересов познания и потом вытесняются другими приятнейшими, не оставив и следа своего действия в душе. Сердце, не умягченное благодатью, – камень. Все святое или меркнет в нем, или отражается назад, оставляя его холодным по-прежнему. Обращающийся грешник живо чувствует такую окаменелость и потому первее всего просит Господа, чтобы избавил его от окамененного нечувствия и даровал искренние слезы покаяния. Спасительная благодать в первом действии своем на сердце восставляет и очищает духовное чувство. Теперь вошедшая в себя душа видит конечное расстройство свое, помышляет сделать то или другое для своего исправления, но не находит в себе ни сил, ни даже охоты к делам добрым. При сем естественная мысль: не перешла ли она уже черту, из-за которой нет возврата к Богу, не испортила ли она себя до того, что самая сила Божия не может сделать из нее что-либо доброе, – такая мысль поражает ее. В смятении она обращается к Богу милосердому, но угрызающая совесть живее представляет ей Бога правосудным, строгим карателем беззаконных. Вся жизнь протекает перед ней, и она не находит в ней ни одного доброго дела, за которое сочла бы себя достойною воззрения Божия. Бога, выше Которого нет никого, ничтожная в таком великом мире тварь дерзала оскорблять противлением Его воле всемогущей. Затем ужасы смерти, суда, вечных мук, представление, что все это может постигнуть ее чрез несколько минут, даже теперь, довершают поражение. Страх и трепет приходят на нее, и покрывает ее тьма. Душа прикасается в сие время некоторым образом вечных мучений. Благодать, приведшая душу в такое подавляющее состояние, блюдет ее между тем от отчаяния и, когда трепет произведет свое действие, возводит ее ко кресту и через него вливает в сердце отрадную надежду спасения. Впрочем, сей спасительный страх не оставляет потом души во все время исправления; только сначала он есть необходимый содействователь к

перелому в греховной болезни, а потом остается в душе как сберегатель от падений, напоминая ей о том, куда ведет грех. Оттого, когда найдет искушение, когда возродится в не очищенном еще сердце сильный порыв к обычным грехам, в боязни и страхе обращается она тогда к Господу, моля Его, чтобы не попустил ее пасть и избавил огня вечного. Таким образом, **благодать наводит на душу спасительный страх за себя во все время исправления, и даже до конца жизни, если душа не успеет взойти до того состояния, в котором страх исчезает в любви.** «Когда душа, – говорит Диадок, – начинает чрез великое внимание очищаться, тогда чувствует, как некое врачество животворное, страх Божий, как палящий ее в огне бесстрастия действием обличения. Потом, очищаясь мало-помалу, она достигает совершенного очищения, успевая в любви, соразмерно тому, как уменьшается страх, и таким образом приобретает любовь совершенную».

И помучит его в наказании своем (19-й стих). То есть образом руководства своего и воспитания: попусшением искушений, бед, соблазнов, греховных движений – испытает человека и откроет его сознанию, что он значит, каково его состояние, как высок он в духовной жизни, как много успел в исправлении себя. Одного попусшения на движение помыслов достаточно к тому. Здесь вполне открывается, что таится на самом дне сердца, потому что помышления исходят из глубины его. Оценив достоинство помыслов, человек ясно узнает, кто он и что остается ему делать. Впрочем, как бы ни производила сие благодать, только главная, можно сказать, цель ее руководства состоит в том, чтобы постоянно держать человека в ясном сознании своих немощей.

Или прямее: *помучит его в наказании своем*, образом руководства своего, тем то есть, что не вдруг открывает душе весь свой свет и всю силу своего утешения, будет долго держать душу в некоторой скорби или туге. Человек обратившийся носит в уме своем начертание совершенства христианского и блаженства от жизни во Христе; с другой стороны, Сам Всевятой Дух, как заключает Диадок, в самом начале усовершеня дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно. Когда благодать надолго потом скрывает от души драгоценность сего дара, тогда она по необходимости скорбит, памятуя о духовной любви, которая посещала ее, но которой нет теперь в ее чувстве, скорбит, не имея сил возродить в себе то же восхищение, будто по недостатку совершеннейших подвигов. Отсюда можно изъяснить великие труды, необыкновенные бдения, чрезвычайные посты святых подвижников. Они со слезами ищут какое-то неоцененное сокровище, которое имели, но которого нет теперь. Это высокая тоска по отчизне небесной!

Дондеже веру имет души его, и искусит его во оправданиях своих – до тех пор, пока может положиться на душу и сделает ее искусною и опытною во всех путях своих, посредством которых она низводит в нее оправдание; или иначе до тех пор, пока возбудит в душе веру или доверенность к себе так, чтобы душа благоговела пред внушениями ее, как пред Божественною святынею, или пока проведет ее по всем путям своим, которыми душа может усвоить себе оправдание. Вот предел испытательных действий благодати, предел воспитания души, за которым, можно сказать, она достигает уже – **в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова!** (Еф. 4, 13). У самой благодати есть как бы некоторый чертеж воспитания (без сомнения, видоизменяющийся, смотря по воспитываемым лицам), по которому она не являет открыто лица своего душе, пока не исполнит всего, что

нужно для нее, а с другой стороны, и для каждой души есть свой термин, только с достижением которого она делается достойною полного вселения благодати. Это, как видно, доверенность к душе со стороны благодати и вера в благодать со стороны души. Действительно, после такого настроения души нет места сомнению, что она останется навсегда верною внушениям благодати. Таковую-то подвижность души, по манию благодати, преимущественно старается образовать воспитывающий ее Дух, и она-то и составляет в благодатном царстве главное, что должна иметь в себе облагодатствованная душа. «Взыскующий Господа человек пленяет ум в послушание Христово, удостаивается быть един дух с Господом за то, что никогда не оскорбляет Духа Господня. Бог Сам Себя вверяет сердцу, когда человек душу и помышления свои посвящает Ему» (Макарий Великий). Впрочем, такой предел для нас мало определен. Точнее объясняет его апостол Павел.

Он говорит: **«Стремлюся, не достигну ли я?»** (Флп. 3,12). Чего? Того, чтобы приобрести Христа, чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его. Что делает он для сего? **«Вменяю всю тщету быти, всех отщетихся, вменяю вся чметы быти, чтобы найтись в Нем (Христе) не с своею праведностию».** Путь к тому, чтобы живо приобщиться Христа, есть отвержение всего своего, некоторое самозабвение, совершенное отчуждение от себя. В Иисусе Христе нельзя находиться с чем-нибудь своим. Потому-то Диадок говорит: «Когда человек приобретает все добродетели, а наипаче совершенную нестяжательность, тогда благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве». Так, кажется, и быть должно. Ибо что такое нестяжательность? Или что бывает в душе, когда является нестяжательность? Дух человеческий по самой природе своей нестяжателен. Он бывает стяжательным от преобладания над ним души и требований телесных. Теперь, когда он долговременными трудами и подвигами, при помощи благодати и души, и тело покорит совершенно себе и, восприяв в себя, как бы умертвит их движения в себе самом и таким образом одухотворит всего человека, тогда в нем не должно оставаться и следа стяжательности, но вместе с тем исчезает и всякая препона к полному вселению в него благодати. Потому Диадок говорит: «Если кто, живя еще, умрет чрез труды, такой делается уже вполне жилищем Святого Духа; ибо такой, прежде нежели умер, уже воскрес». Итак, **нестяжательность можно почесть пределом очищения души.**

И паки возвратится прямо к нему (20-й стих). То есть, говоря словами Макария Великого, «по очищении человека, дело благодати в нем совершенно является, и он приемлет полное усыновление Духа», или, словами Диодоха: «благодать озаряет все существо его в глубочайшем каком-то чувстве, и он делается вполне жилищем Святого Духа». А вместе с тем, по обетованию Своему, Господь наш Иисус Христос и Бог Отец приходят к нему и в освященном существе его творят Себе обитель (Ин. 14, 23). И на человеке знаменается свет лица Божия (Пс. 4, 7).

«И возвеселит его. Врящет его, яко мати, и яко жена девства, примет и хлэбнит его хлэбом разума, и водою премудрости напоит; и веселие и венец радости, и имя вечно наследит» (Сир. 15, 1-6). Взыгрался младенец Иоанн в матернем чреве, когда ощутил близость Господа. Радуетя и играет дух наш, когда благодать Духа Святого делает его причастником Божества. Бог наш есть Бог блаженства. Оттого все, кои Его причащаются, исполняются неизъяснимого восхищения. Святые подвижники, причастившиеся сего

блаженства, не находят слов к выражению его. «Иногда, – говорит Макарий Великий, – свет, сияющий в сердце человека, так всего его внутренне пронзает, что он весь, погрузясь в сей сладости и приятном чувствии, находится вне себя, ради преизобилующия любви и сокровенных таинств, собою созерцаемых». «Душа пламенеет в сем состоянии, – говорит Диадок, – и с неизъяснимою какою-то радостью и любовью стремится тогда выйти из тела и отойти ко Господу, и как бы не знать сей временной жизни».

И откроет ему тайны своя (21-й стих). Какие тайны у благодати? Тайны благодати же, или благодатных действий Духа Святого на человека. Благодать открывает своему питомцу: а) ***таинство воплощения***, страдания, смерти и воскресения Иисуса Христа. Это апостол Павел поставляет целью стремлений для христианина (Флп. 3, 10), и она, без сомнения, достигается совершенными, пришедшими в меру возраста исполнения Христова. Быть не может, чтобы Господь не удостоил открыть им Себя во всей полноте, открыть и сердцу, и разумению, которое все в Господе (Еф. 3, 16-21). И что здесь невозможного, когда Сам Господь живет в сем сердце? б) ***тайну оправдания***, или усвоения заслуг Христовых душе, по которому они считаются ее собственными. Апостол Павел средством к сообщению страданий Христовых поставляет сообразование со смертью Его (Флп. 3, 10), а сие сообразование уже совершилось в освященном, как мы видели выше. Тот же апостол оправдание поставляет следствием освящения: **«Омыстесь, – говорит он, – освятитесь, оправдастесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего»** (1 Кор. 6, 11). А оправданному должно чувствовать приобщение страданиям Господа, которое оправдало его. в) ***тайну благодатной жизни***: любовь и чрез любовь смирение. Бог есть любовь; потому только приобщившийся Ему имеет любовь и постигает ее. «Ум, – говорит Диадок, – хотя восприимет все добродетели чрез чувство, совершенствуясь с какою-то мерностью и неизъяснимою стройностью, но духовной любви не может стяжать, если не будет во всей полноте просвещен Святым Духом... Божественная благодать, живописующая человека в подобие Божие, просвещением любви показывает, что образ получил вполне благолепие подобия». «По явлении креста, – говорит Макарий Великий о своем озарении, – благодать ныне так действует и примиряет вся составы и сердце, что душа от великой радости яко детище незлобивое является, и человек не осуждает уже более Еллина, или Иудея, или грешника, или вдавшегoся миру, но внутренний человек вся зрит оком чистым, и радуется о всем мире, и всевозможно желает почтить и любить Еллинов и Иудеев». Вместе с тем он забывает себя от избыточной любви к Освятителю Богу. «Я знаю, – говорит Диадок, – такого человека, который так любит Бога, что не знает о себе, что он значит. Он как бы в любви Божией скрывает свои отличия, из нее получаемые, и себе самому всегда представляется рабом непотребным». «Когда ум, – говорит он в другом месте, – весьма ощутительно и удовлетворительно озарится святою благодатию, тогда душа имеет смирение как бы естественное. Ибо она, будучи питаема Божественною благодатию, уже не может надмеваться тщеславием, хотя бы непрестанно исполняла Господни заповеди, но почитает себя ниже всех, ибо приобщилась Божественной кротости». Что касается до веры и упования, то они завершаются и даже поглощаются любовью, которая больше их. Диадок, объяснив высокую силу любви, присовокупляет: «В ком Бог производит таковую любовь, тот бывает во время сего действия выше самой веры, так как он великою любовью уже содержит чтимого верою в чувстве сердца своего». Когда Господь в сердце, то и упо-

вание достигает конца: еже бо видит кто, что и упоает (Рим. 8, 24).

Такие тайны как бы естественно переходят во всякую душу, вполне облагодатствованную. Но нет сомнения, что благодать по временам в видениях или восхищениях открывает душе и другие сокровенности небесные как лицу, которое по своим совершенствам достойно того, чтобы видеть их, как они есть. О сих откровениях говорит Макарий Великий так: «Некоторым явилось чрез свет знамение Креста и впечатлелось во внутреннем человеке. В иное же время паки молящийся человек, яко в восхищении быв, обретется стоящ в церкви пред Алтарем и принесены были ему три хлеба, аки елеем всквашенные; и чем более он их ел, тем паче они умножались и возрастали. Иным же явилось яко одеяние светлое, какого нет на земле в сем веке и какого человеческими руками сделать невозможно. Ибо как на гору восшедши Господь со Иоанном и Петром преобразил Свое одеяние и сотворил его блистающим, наподобие молнии, таково было и оное одеяние, так что удивился и ужаснулся человек, скинувши с себя оное. Иногда он, будучи яко сын царев, тако упоает на Сына Божия, яко на Отца, и отверзаются ему двери, и входит внутрь многих обителей. И чем далее он входит, то паки отверзаются ему двери от ста обителей до иного ста обителей; и богатеет, и елико более богатеет, толико паки вдаль оныя новейшия являются ему чудесныя откровения. И повторяются ему, яко сыну и наследнику, таковые вещи, их же человеческими устами и языком изрещи и изобразити не можно».

Впрочем, хотя такая высота и достижима для человека, предавшего себя Богу, но постоянно держаться на ней ему невозможно. Сего не может снести человеческая природа. Один святой муж молил Господа: **«Господи! Ослаби ми волны благодати Твоя, иначе умру от полноты блаженства»**. И Великий Макарий, которому Бог открывал столько тайн (можно думать, что откровения, о которых он говорит, даны были ему), полагает, что такое возвышение бывает только по временам. «Если бы чудесныя оныя знаменья, явленныя ныне человеку и кои он самым опытом видел, всегда с ним находились; то не мог бы он ниже служения слова прияти, ни понести каких-либо трудов, ниже слышати что, ниже в нужном случае пещися о себе самом, ни об утрии (нутро), а только в едином угле сидел восхищен и как бы упоен. Почему совершенная степень и не дана человеку».

Аще заблудит, оставит его и предаст его в руце падения его (22-й стих). **Аще заблудит** – если позволит себя обольстить. И по получении (в крещении) или возвращении (в покаянии) дара благодати возникают из сердца многочисленные греховные помыслы, ибо совершенное умиротворение их совершается не вдруг и, можно сказать, уже по освящении. Но в то же время, со стороны благодати через совесть приходят в волю требования законные, которые обыкновенно в первый опыт соблазна бывают сильнее движений порочных или, по крайней мере, равносильны им; если человек обратит всю свою душу к внушениям благодати, то обыкновенно порочный помысл, скорее или медленнее, вытесняется из души, и в ней водворяется покой. Но если он позволит предмету соблазна медлить в душе, сначала, может быть, для одной только забавы и умственного развлечения (это первый шаг к падению), то вскоре прилагается к нему сердце и порождает страстное движение (это – второй); слабая воля, которою привыкло управлять сердце, начинает желать (это – третий); между тем голос совести, сначала возбужденный благодатию, все стихает и стихает; является рассудок и под рукою сердца составляет софистические оправдания; голос совести смолкает; все существо загорелось желанием; воля реши-

лась, и тайна внутреннего беззакония совершена (это – четвертый). За этим, естественно, последует и самое действие (это – пятый). Человек позволил себя обольстить и пал. Гораздо удобнее совершается второе падение, тем удобнее третье; и чем более повторяется падение, тем более грех опять сродняется с душою, наконец, вселяется в нее и наполняет ее всю. Тяжелый камень, брошенный по скату пропасти, не остановится, пока не достигнет дна ее. Растрепанная душа, как ветхий мех нового вина, не способна уже вмещать в себе благодать, и она отходит от нее. **Аще заблудит, оставит его и предаст его в руце падения его.** Грешник теряет свободу. Невольник у греха, он повинуется ему во всем, как животное инстинкту. Тьма ослепила ему очи, и он не видит, куда идет, не видит своей пагубы. Наконец, как глаз света, иная душа снова потребует света благодатного. Адом становится ей жизнь в грехе. Воспламенясь ревностью, она опять входит в чин истинных чад Церкви по духу и жизни. Но иная душа снова падает и снова встает; несколько раз падает и несколько раз встает. Между тем чувство ее все более и более немеет, грубеет, жестеет, тем менее, следовательно, становится способным воспринимать возбуждения и ощущать свое положение. Для иной души возможно окончательное падение – в отчаяние, после которого нет восстановления, нет возможности обновляться покаянием. Тогда благодать навсегда оставляет его в руце падения его.

Так многопечительна благодать, так многотрудно исправление, так обильны и высоки обетования благодатные, так опасно падение, и особенно повторительное! Не можем лучше заключить нашего рассмотрения, как словами Макария Великого: «Возлюбленно поистине есть сие, когда душа, всю себя Господу посвящая, и к Нему Единому прилепляясь, и в Его заповедях непорочно жительствуя, и находящий и осеменяющий Дух Христов благоговейно почитая, удостоится с Ним быти единым духом и единым составом, как говорит апостол: **«Прилепляйся Господеву, един дух есть с Господем»** (1 Кор. 6, 17). Если же кто вдает себя в попечения, или в славу, или властолюбие, или суетится о снискании человеческих честей, и ежели его душа прилепляется и примешивается земным помышлениям или пленяется какими-либо вещами мира сего и о снискании оных печется, то такая душа избежать, удалиться и прогнать тьму страстей, в которой держится лукавыми начальствами, никак не может, потому что она любит и творит волю темного начальника и не гнушается злых начинаний. Потщимся убо всею душею и всею мыслию приступить ко Господу и быти последователями Христовыми, да явимся чрез то достойными вечного царствия и сподобимся благ, слава Отца и Сына и Святаго Духа во вся веки».

Вопросы для самоподготовки:

1. Как понимать то, что Дух Святой называется **Животворящим**?
2. Как возникло западное учение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына?
3. Для чего сказано в Символе веры, что Дух Святой **глаголал через пророков**?
4. Законспектируйте работу Феофана Затворника **«О Благодати Всесвятаго Духа»**.